

Глава 1

Всюду бегут дороги¹

Россия. 20... год

Яна шла домой. Ноги гудели, голова гудела, спину ломило...

Ей еще двадцати пяти нет, а сил... Сил тоже нет. Ничего, справится. И не с таким справлялась!

Дома ждал ее Смайлик — беспородный кот дворянской породы, здоровый и умный, как большинство беспородных котом.

Дом...

Дом — это там, где твои близкие? Как бы да. Но очень сложно считать своим домом хибару барачного типа. Квартирный дом, почти землянка, окна вровень с тротуаром... Трущоба. Гарлем чертов! Можно подобрать еще сто сравнений, и все они будут верными. И все они...

Все они будут матерными!

Вот представьте себе — невысокий длинный дом, построенный в форме буквы «П». По две квартиры в «ножках» буквы, одна в перекладине.

Квартирами это назвать сложно.

Входишь... то есть спускаешься — и попадаешь в длинный коридор. Из него три двери. Одна — в крохотную комнату типа чулана, туда едва вмещаются кровать и тумбочка.

Вторая — в большую. Ну как — большую? Если комнату размером три на три квадратных метра можно назвать большой. Диван, шкаф, телевизор.

¹ Все названия глав взяты из стихотворения М. Цветаевой «Всюду бегут дороги...» (Прим. авт.)

Третья — в совмещенный санузел. Унитаз — и рядом поддон для душа. Маленький, иначе они просто не поместятся. Но даже это — роскошь. Вот в соседней квартире живет тетя Катя — у нее вообще санузла нет. Зато во дворе есть сортир типа «деревенский обыкновенный».

Пять квартир.

Пять семей со своими историями.

Первая квартира — старый алкоголик дядя Леня. Жена умерла, дети решили отца не лечить, купили ему вскладчину эту хибару — и выставили. Пей на здоровье, спивайся, папаша.

Он так и поступает. И где только деньги на водку берет?

Где подработает, где выклянчит, где украдет. У Яны не просит. Один раз попробовал. Яна завернула ему руку за спину и внятно объяснила, что не подает. А вот наподдать покрепче — может. И будет больно.

Получилось доходчиво.

Вторая квартира — Яна и ее семейство. Кот Смайллик (изначально — Сталин, но Гошка переименовал) и сын Георгий.

Третья квартира — тетя Катя. Приехала в свое время девочка из деревни, работала на хлебозаводе, получила эту квартирку... а вот поменять или как-то улучшить жилищные условия не смогла. Всякое у людей бывает.

Тетя Катя человек одинокий, есть в деревне племянники-племянницы, но к ним не наездишься. И далеко, и желания у тети Кати нет. Они с Яной дружат.

Тетя Катя с Гошкой сидит, когда малыш дома, Яна ей денег подкидывает, продукты покупает... выживают вместе.

Четвертая квартира — Селюковы.

Тамара Амировна и Андрей Владимирович. Вполне благополучная семья... так получилось. Сын женился. Две семьи, в двушке? Считай, перегрызутся все. Родители подумали, купили квартиру в ипотеку, а потом — как?

Ипотеку выплачивать надо. И если берешь ты сто тысяч — отдашь двести, такие уж у нас хорошие банковские

условия, такие проценты... не миллионеры они, а пенсионеры.

Приняли решение.

Сына с женой оставили в родной квартире — тем более там жена беременная, ребенка ждет. Купленную квартиру сдали жильцам. Сами перебрались также на съемную квартиру.

В чем выгода?

Да в том, что эту хибару сдают за смешные копейки. А вот купленную можно сдать дорого. Район хороший, планировка, ремонт...

Руки у дяди Андрея не просто из нужного места растут — они золотые. Опустись на Землю аварийный космический корабль, он и корабль починит. А уж мелкую бытовую технику ему со всей улицы несут. И ремонт он делает легко и быстро. Хотя не бесплатно.

Яна считала, это справедливо. На водку найдется, на мастера — нет? Без ремонта проживешь!

Той же тете Кате дядя Андрей все ремонтировал бесплатно. То есть даром. Яне тоже пытался, но девушка в долгу быть не привыкла.

Пятая и последняя квартира.

Ольга Петровна.

Безумная активистка.

Рождаются же люди с моторчиком в попе и вечным митингом головного мозга — и сами нормально не живут, и никому жизни не дают. И не лечат их, вот что ужасно-то! Ей бы гидроэлектростанцией родиться — ан нет! Не повезло, человеком оказалась.

И началось...

Собирать подписи?

Ольга Петровна.

Деньги?

Ольга Петровна.

Бороться ЗА — Ольга Петровна.

Против? Опять Ольга Петровна...

И так весь день. Фигаро здесь, Фигаро там, а в результате — фигвам.

Муж активности не выдержал, удрал. Дети активности не выдержали. Удрали. Для верности — в другой город, но Ольга Петровна четыре раза в год туда летала. Наверное, это главное ее достоинство.

Остальное? Тоже достоинства. И упаси вас бог сказать нечто крамольное в радиусе километра от мадам-с. Загрызуг. С наслаждением.

Телефон пискнул. Яна вытащила его из кармана и улыбнулась. На экране светилась смешная детская рожица с падающим на лоб чубчиком.

Ее малыш.

Гошка.

— Добрый вечер, солнышко мое.

— Мама, добрый вечер.

— Как у тебя прошел день?

— Я мультик смотрел про машинки.

— И как звали машинок?

Гошка пустился рассказывать о том, что видел сегодня на планшете. Яна слушала и улыбалась.

Ее сын.

Ее маленькое чудо.

Ее вина.

Порок сердца, так звучал диагноз Георгия. Приговор?

Нет. Не приговор, если у тебя есть руки, силы, есть возможности. Даже полностью сердце пересадить можно, если найдется донор, а уж операции...

Не бесплатно, увы.

Но ведь реально!

Сейчас ее малыш лежал в больнице. Яна все отдала бы, чтобы быть рядом с ним, но в реанимацию ее не допускали. Хорошо, хоть планшет и телефон разрешили. Ругались, конечно, но разрешили.

И хорошо, что лечение проходит успешно.

Заслушавшись, Яна не увидела плотную тень, которая метнулась к ней из переулка.

Смяла, втолкнула в темноту, дыхнула в лицо ароматом нечищенных зубов и перегара и прошипела:

— Бабло давай, сука!!!

Яна действовала спокойно и уверенно, как привыкла.

— Телефон возьмешь?

— Да!

— Бери. А я пока достану деньги.

Мужчина, явно наркоман, лет сорока по виду, понял, что сопротивления ждать не приходится, и чуть расслабился.

Лезвие ножа опустилось. И навстречу ему взлетели руки.

Телефон он и правда успел схватить. А больше ничего и не успел.

Четыре удара были нанесены — четко, как поставили.

Коленом в пах — отвлекающий, его обычно и ждут, пяткой в свод стопы — уже резко и жестко. Удар ладонями по ушам заставил его скорчиться, а добивающий, кулаком в горло, — опуститься навзничь... Сдохнет? Выживет?

Яну это интересовало меньше всего.

Второго врага, который подкрался сзади, она не заметила. И пропустила удар ножом в спину...

Холодно, как же холодно...

Яна повернулась к убившему ее человеку.

Она понимала, что удар смертелен, она видела такое, она знала...

Пара минут. Что она может сделать?

Только одно.

Слабеющая рука уронила сумочку. Из нее выпали несколько купюр — ей сегодня дали зарплату. Она хотела купить Гошке несколько игрушек — продукты у нее не возьмут, а вот игрушки она ему на планшет загрузить может...

Вторая рука скользнула в карман — не хотела, а придется...

Второй подонок шагнул, наклонился за деньгами...

Шило в руке Яны словно ожило. И нашло свою жертву.

Один удар.

Жесткий и сильный, в сердце — целилась туда, но слабеющая рука дрогнула. Впрочем, грабителю и этого хватило, чтобы свалиться.

— Сдохни, падаль.

Женщина упала рядом со своими убийцами. Первый, кажется, тоже кончался: наверное, она ударила слишком сильно... Плевать!

Гошка...

Ее малыш... он один останется...

Он в приют попадет...

ГОШКА!!!

Другой мысли у женщины в этот момент не было. И шевельнулись губы, шепча старое, откуда-то из детства взявшееся...

— Кровью и плотью, жизнью и смертью, душой и по-смертием... я все отдам тому, кто защитит моего сына!

* * *

— Мадам Цветаеф, я должен с прискорбием сообщить: даже если лечение пройдет удачно, внуков у вас не будет.

— Черт побери!

Дорогая швейцарская клиника сияла. Новизной, чистотой, дороговизной... Больницу она практически не наполнила. Но запах...

Хлорки? Смеяться изволите?

Дезинфекции? Тоже нет, здесь применялись самые передовые средства, которые не пахли антисептиком, да и проветривали здесь, и воздух озонировали, и...

Нет.

Здесь царил совсем другой запах.

Запах человеческого горя и боли.

Вопреки всем заявлениям материалистов, страдания тоже имеют свой... запах?... След? Ауру?

Здесь это ощущалось достаточно сильно. Даже в безумно дорогой клинике отделение для безнадежно больных — оно и есть отделение для безнадежно больных.

Сами больные, их родные, близкие...

Моложавой подтянутой женщине никто не дал бы ее пятидесяти пяти лет. Сорок? Да, возможно, может, даже тридцать пять. Пластические хирурги постарались.

Но стоило взглянуть ей в глаза...

Именно взгляд выдает людей. Хоть ты кожу с попы на голову натяни, а глаза все равно останутся усталыми, пустыми, безрадостными... старыми.

Сейчас глаза мадам Цветаеф, или Ольги Сергеевны Цветаевой, были именно такими.

Единственный сын...

Кровиночка родненькая...

Наркоман законченный.

Пока она работала, трудилась не покладая рук, приумножала и копила, сынок жил весело и счастливо. Тратил накопленное мамой, развлекался, валял дурака...

Это бы не беда. Накопила она столько — внукам правнуков на черную икорку хватит. Но в том-то и дело...

Мальчишка подсел на наркотики.

Она не заметила, а потом... потом было уже поздно. Какая-то хитрая синтетика...

Сына откачали, хотя он сейчас и напоминал овощ. Но...

Внуков у нее точно не будет. Эта дрянь действует и на репродуктивную систему в том числе...

И зачем тогда все это?

За что?!

Для кого она старалась?

— Постарайтесь сделать хоть что-то, доктор. И не ограничивайте себя в средствах.

— Поймите меня правильно, мадам Цветаеф. Разум пациента поврежден, и, возможно, необратимо. Генетический материал... возможно, пройдет не один год, прежде чем он восстановится достаточно. Можно попробовать искусственное оплодотворение, но поверьте, дети будут со значительными генетическими отклонениями.

Ольга Сергеевна поджала губы.

Внуки уроды?

Еще только этого ей не хватало! Неизвестно, что получится, потом еще лечи их... и тоже... нет, это бессмысленно. Хорошо еще, если отклонения будут только физические... хотя и тут ничего хорошего. А если в психике?

Нет, лучше с таким не связываться.

Но если нет другого выхода?!

— Если я правильно понял, молодой человек вел достаточно беспорядочную сексуальную жизнь? — вкрадчиво осведомился доктор.

— И что?! — рявкнула разозленная женщина.

— Неужели у него не осталось ни одного ребенка?

Ольга Сергеевна замолчала, словно на стену налетела.

— Доктор... я обдумую этот вопрос. Обещаю, я его серьезно обдумую.

Русина. Звенигород

— Тор Дрейл, вы совершили не просто преступление. Вы совершили ошибку.

Сидящий в кресле мужчина беспокойно шевельнулся. Второй, расхаживающий по комнате, повернулся к нему — и словно раскаленную спицу вогнал. Настолько неприятен был его взгляд...

Роскошно обставленная комната — резная мебель, парчовые шторы, толстые ковры, хрусталь и золото — показалась слишком маленькой и тесной. Наружу бы — и удрать!

А ведь кто-то обманывается, считая тора Вэлрайо милейшим существом. Этаким добрым дядюшкой вроде деда Мороза.

Как же!

Несмотря на щечки-яблочки, кругленькое брюшко и умильный взгляд, сущность тора Вэлрайо не изменится.

Это опасная ядовитая гадина. К примеру, каракурт.

Они тоже кругленькие, и не слишком большие, и даже симпатичные... кто-то же любит пауков. Кстати, и сам тор Вэлрайо их тоже любит, у него живет несколько здоровущих птицеядов.

Брр, гадость.

— Я не считаю мой поступок ошибкой, тор Вэлрайо. — Слейд Дрейл не собирался сдаваться без боя. — Финансы императорской семьи Русины находятся в нашем банке, и...

— И взять их оттуда никто не сможет еще двести лет.

— Всегда можно найти... аргументы для самых несговорчивых.

— Тор Дрейл, вы не понимаете? — Вэлрайо заходил по комнате. — Когда Петер Седьмой обратился к нам с просьбой вывезти его и его семью из охваченной войной Русины, вы согласились.

— Но потом ее величество Элоиза решила, что принимать у себя свергнутого кузена слишком опасно, — резонно указал тор Дрейл.

— И это действительно так. Петер был обречен — и он должен был умереть. Но вот его дети...

— Претенденты на престол?

— Через пару поколений — уже наши претенденты, тор Дрейл. Покорные, послушные, воспитанные в нужном ключе... ворота на континент.

Слейд склонил голову.

Действительно, об этом надо было подумать. Что ему стоило подменить одну из великих княжон на двойника? Найти подходящую девку...

Их столько бегают, да и внешность у девушек не самая яркая...

— Моя ошибка, тор Вэлрайо.

— Ваша, тор Дрейл. И я советую вам ее исправить, пока еще не слишком поздно.

— Но...

— Пошлите за Петером кого-нибудь из своих людей. Не стоит спасать свергнутого монарха, но кого-то из его детей... почему нет?

Слейд медленно склонил голову.

— Повинуюсь, тор Вэлрайо.

— Надеюсь, у вас есть подходящий человек?

Тор Дрейл поднял голову — и на его губах внезапно заиграла улыбка.

— О да. У меня есть подходящий человек, тор Вэлрайо. Он — есть.

* * *

— Братья! Соратники!!! Сегодня над нашими головами развевается знамя свободы! Свободы от тирании, свободы от оков, свободы...

Мужчина лет тридцати прищурился на оратора.

Эх, выстрелить бы...

Из револьвера он его снимет одной пулей...

Нельзя.

Надо отдать должное жому Пламенному (хотя, конечно, никакой он не Пламенный, это партийная кличка, равно как и у него самого — Тигр), он умеет руководить всем этим быдлом.

Толпа подчиняется ему словно оплаченная продажная девка. Ложится под него после первых же слов, провожает восхищенными взглядами, вздыхает, радуется...

Да что там, все это стадо просто счастливо обратить на себя благосклонное внимание повелителя...

Ладно, пока еще — не повелителя. Просто первого среди равных...

Забавно, правда?

Как важно правильно назвать всю эту... глупость!

Испокон веков более сильный правитель свергал и убивал более слабого правителя. Лилась кровь, делились троны, меняли головы, короны и венцы... Но назови все это узурпацией — и на тебя ополчатся все окружающие страны.

Как же!

Обычный человек, более того, не тор, ни разу не тор, а вовсе даже жом¹. И в правители?! Не бывать такому!

¹ Тор — благородный по рождению, дворянин. Жом — обычный простолюдин. Женский вариант — тора, жама. (Прим. авт.)

А если поднять знамя Освобождения? Если пообещать всем и каждому равноправие? Свободу, равенство, братство? Власть народу, свободу народу, волю народу... землю, воду, воздух... и прочную веревку, на которой его так удобно хоть водить, хоть вешать.

Главное — правильно назвать происходящее.

Жом Тигр, один из столпов Освобождения, посмотрел на часы.

Уже вечер. Уже... скоро? Или просто — уже?

Ничего, он вот-вот все узнает. Одним из первых.

Есть свои плюсы в том, чтобы быть в сильной стае, есть...

Жом Тигр, некогда просто жом Сергей Михеев, улыбнулся. Да, далеко его завела судьба...

Из родного села повела-закрутила... сначала с дядькой в город, когда голод был, родители его упросили уехать, не надеялись всех прокормить, потом его жизнь помотала, ох помотала... и воровство в ней было, и убивать случалось, каторга в ней была, и плети, и побег, церковно-приходская школа и ремесленное училище. Самообразование и прослушанные курсы университета за границей... чего не было?

Родного дома и не было.

Деньги он родителям присылал, весточки окольными путями получал, знал, что батьку в том году схоронили, что мамка плохая, что братья-сестры жизнь устроили, детей наплодили... а вот приехать...

Нет, не мог.

Боялся посмотреть матери в глаза.

Или не боялся? Не хотел?

Этого Сергей и сам не знал. И не хотел доискиваться до ответа. И домой ехать не хотел.

Намного приятнее стоять здесь, в тихом уголке, наблюдать за лицами людей на площади и понимать, что они — твои.

Ты можешь сделать с ними что пожелаешь.

Власть — заводит.